

Отечественная история

УДК 94(470)''192'':63-051

DOI 10.37386/2413-4481-2020-3-79-82

С.И. Бондаренко

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия

СЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ И КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ НЭПа: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Статья посвящена проблемам утверждения советской власти в деревне. В повседневной жизни власть большевиков воспринималась неоднозначно. Сельские Советы должны были стать органами народовластия, но в ходе работы приобрели весьма специфические черты. К 1927 году стало ясно, что сельсоветы не выполнили возложенной на них роли. Через анализ писем во власть автор выявляет причины неоднозначного восприятия крестьянами нового органа власти.

Ключевые слова: НЭП, крестьяне, сельские Советы, повседневность.

S.I. Bondarenko

Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia

RURAL COUNCILS AND THE PEASANTRY DURING THE NEP: PROBLEMS OF RELATIONS

The article is devoted to the problems of establishing Soviet power in the countryside. In everyday life, the power of the Bolsheviks was perceived ambiguously. Rural Councils were supposed to become organs of people's power, but in the course of their work they acquired very specific features. By 1927, it was clear that the rural councils had not fulfilled their role. Through the analysis of letters to the authorities, the author reveals the reasons for the ambiguous perception of the new government body by the peasants.

Key words: NEP, farmers, rural councils, everyday life.

В современной историографии достаточно много исследований посвящено социально-экономической, политической истории НЭПа. Вместе с тем это один из самых концептуально-значимых и важных периодов советской истории. Неугасаемый исследовательский интерес отечественных и зарубежных историков подчеркивает актуальность темы.

Отличительные признаки историографии вопроса советского периода – его опора на мононаучную марксистско-ленинскую парадигму. В данном контексте написаны монографии Ю.С. Кукушкина и А.И. Калмыковой. Их исследования посвящены работе сельсоветов и классовой борьбе в деревне [1]. Данные работы ценны конкретно историческим материалом. Авторы обстоятельно вскрывают и анализируют особенности процесса социального расслоения крестьян. Вторая половина 1980-х гг. отмечается поисками новых методологических подходов. Многими исследователями отстаиваются идеи и преимущества системного подхода в изучении культуры. Первым опытом практического применения

новой методологии явилась коллективная монография П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения» [2]. Рассматривая влияние новаций на крестьян, авторы стремились показать отношение крестьян к ним. В работе отмечена сложность этих процессов в повседневной жизни, что, несомненно, ставит исследование в разряд качественно новых в разработке темы. В 1990-е годы значительно расширяется тематика исследований по истории крестьянства. После октябрьского переворота в стране начала создаваться новая структура власти в центре и на местах. Расширение демократических начал в структуре местного самоуправления через Советы провозглашалось большевиками одной из приоритетных задач.

В 1920-е годы большевистскому руководству в целом удалось утвердить свое господство в городе и в деревне. Новая экономическая политика стимулировала данный процесс. Однако в повседневной жизни это было далеко неоднозначно. Не сразу советской власти удалось наладить работу местных органов власти. Многие советские ра-

ботники продолжали работать в духе «военного коммунизма». Это вызывало недоверие крестьян к органам местной власти. В представлении крестьян именно местная власть отвечала за все нововведения в жизни деревни, соответственно, и за их неудачи.

В 1924 г. состоялись выборы в сельские Советы Сибири. Явка избирателей снизилась по сравнению с 1923 г. на 9 %. В выборах сельсоветов приняло участие лишь 31,4 % избирателей [3, с. 213]. Снижение явки объяснялось, прежде всего, тем, что выборы в сельсоветы проходили с явными и грубыми нарушениями. Крестьяне в письмах в «Крестьянскую газету» писали о том, что беспартийных плохо берут на работу в сельские советы. Крестьянские отклики показывали многие ошибки советской власти в организации выборов в сельсоветы.

Анализ писем в «Крестьянскую газету» показывает, что многие сельские Советы 1920-х гг. состояли из нескольких деревень. По крестьянским представлениям центром избирательной комиссии должны были быть деревни, которые находятся в центре уезда. Однако власти часто назначали центром избирательной комиссии деревню, стоящую на окраине, куда добираться крестьянам было тяжело. Возмущение крестьян вызывало также то, что уполномоченные из района приезжали с готовым списком членов комиссии, которые должны были подсчитывать голоса. Списки избираемых и процедура голосования, судя по письмам, были крестьянам не понятны. В итоге крестьяне делали вывод, что с «ними не хотят поговорить по душам» и попросту уходили, оставляя, таким образом, право избирать уполномоченным из района [4]. Не проработана оказалась и процедура голосования. Она должна была определяться по положению 1922 г. губернской избирательной комиссией по спискам или отдельным кандидатам.

В положении о деятельности сельских Советов 1922 г. определялась их структура, указывались основные задачи, но ничего не говорилось о методах работы. Предполагалось, что наиболее целесообразные методы работы будут вырабатываться депутатами советов в каждом конкретном случае.

Таким образом, местной власти давался широкий диапазон выбора методов при наличии четких задач, что в повседневной жизни приводило к открытому давлению на крестьян, что также было обусловлено и общей низкой грамотностью местных властей.

Крестьяне были недовольны выбором партийных в сельсоветы. Причем самим крестьянам попасть в партийные ряды было не просто. Несмотря на провозглашенный курс, «совершенствование внутрипартийной демократии», выдвижение в

партию «крестьян от сохи», рабочим постоянно внушалась мысль об их главенствующей роли.

В первой половине 20-х гг. до массовых компаний приема в партию у рабочих было гораздо больше шансов попасть в партию. Прием в партию крестьян, по свидетельству селькора из Павлоградского района Омского округа, проходит очень осторожно: *«Когда подали заявление о приеме в партию, то на таковой ответ не приходит, куда деваются заявления неизвестно. Поручителей совершенно мало, как требуются по три человека с двух, трехлетним стажем. Из-за таких требований крестьяне в партию не проходят»* [4]. Надежду селькор возлагал на центральную «Крестьянскую газету» и просил помочь в этом вопросе.

Пытаясь эффективно организовать работу местной власти и наладить взаимоотношения с крестьянством ЦК РКП(б) в октябре 1924 г. выдвигает лозунг «Лицом к деревне». Принимается решение покончить с административным произволом, «оживить» деятельность Советов и сделать их настоящими проводниками советской политики в деревне.

30 декабря 1924 г. властью было принято решение: выборы во многих губерниях страны отменить и назначить перевыборы. Повторные выборы привели к увеличению числа беспартийных в сельсоветах. По Сибири число коммунистов сократилось в Советах с 9,5 до 4,2 %, в райисполкомах с 28,8 % до 13,9 % [5, с. 26].

Возрастание роли беспартийных могло колебать позиции власти на местах. Уже в июле 1926 г. пленум ЦК издал резолюцию «Об итогах перевыборов Советов». В документе указывалось, что основой всех органов должны оставаться пролетарии и беднейшее крестьянство. Становилось ясно, что партия не допустит даже ослабления своего влияния. В качестве аргумента о необходимости усиления своего влияния указывалось на проблемы международного характера.

В повседневной жизни партийные установки сталкивались с множеством организационных проблем. В сентябре 1927 года особой комиссией Сибирского краевого исполнительного комитета было обследовано два сельсовета Бердского района – Койновский и Искитимский. Выводы комиссия сочла поучительными, подчеркивающими недостатки деревенской жизни. Комиссия выяснила, что официально созыв заседаний проходит регулярно при посещаемости 60–70 %, члены сельсовета официально прикреплены к секциям. Но в действительности члены сельсоветов в практическую работу не втянуты. Она ведется председателем и секретарями. Комиссия сделала вывод, что это общесибирское явление. Часто председатели были малограмотные,

и руководящая роль передавалась секретарю как единственно грамотному человеку [6].

Вот некоторые высказывания о секретарях на страницах западносибирской прессы. «У нас секретарь сельсовета очень плохой работник. К 6 часам утра он уже ухитряется напиться. Когда к нему обращаются за справками, он отвечает – приходи завтра. Сегодня очень много выпил. Трудно его застать, когда он мало выпил (деревня Озерки, Чарышского р-на, Рубцовского округа)» [6]. «Секретарь нашего сельсовета Куприянов с удовольствием исполнит просьбу зажиточного, с бедняком и разговаривать не желает. Если же к нему обращается женщина, то он кроет ее матом. – Не люблю женщин. И крою матом, чтоб в сельсовет не ходили. Они мата как комар дыму боятся. Если начнет читать циркуляр, жарит как из пулемета, ничего не понятно (село Завьялово, Знаменского р-на Тарского округа)» [6].

Взяточничество, барские замашки многих секретарей были следствием низкой общей культуры и материальной обеспеченности. Были, конечно, секретари, которые видели эти безобразия, старались объяснить. Так, один из бывших секретарей сельсовета пишет: «Среди секретарей сельсовета не должно быть паразитов и проходимцев. На секретарей мало обращают внимания, пишут только плохое, хотя в действительности это так. Секретари получают 11–15 рублей, редко где 20 или 25, хорошие работники уходят, иначе тяжелое материальное положение заставит их сделаться прихвостнями зажиточных, брать за всякую мелочь мзду и как попу опуститься в грязь мелкого обирательства» [6]. Логично, что при крайне низкой зарплате найти хорошего секретаря было сложно.

Видя пьянство, халатность, безобразия местных властей, крестьяне обращали свои надежды на центральную власть, наделяя ее желаемыми качествами. Также крестьяне считали, что плохо работает та ячейка, где секретарь назначен, а не выбран, где секретарь считает себя подчиненным и подотчетным не ячейке, а только секретарю райкома.

Чтобы как-то поднять авторитет сельсоветов, на страницах местных газет власти стали призывать крестьян открыто критиковать плохую работу ячейки. Из источников следует, что сельсоветы неохотно отчитывались перед населением, предпочитая отнекиваться от этого мероприятия. Появились призывы «Ни одного сельсовета, который бы не отчитался перед населением». Открытая критика членов сельсовета была обречена на провал, так как у местной ячейки было достаточно материальных и моральных рычагов воздействия на крестьян.

Некто, подписавшийся «Алеша из села Тогульское Бийского уезда, Барнаульского округа», в заметке «Зажим самокритики в селе Тогульском» пишет: «Большинство наших комсомольцев знают о пьянстве членов бюро райкома и ячейки. Но говорить об этом на ячейковых собраниях боятся, так как за это им угрожает исключение из комсомола» [7].

Однако были и такие ячейки, которые мало обращали внимание на задания риков (районных исполнительных комитетов), прислушивались к мнению беспартийных. Но таких было меньшинство.

Серьезной проблемой работы сельских Советов, по мнению крестьян, было формальное отношение к делу. Своеобразно описывает собрание николаевской ячейки селькор Третьяков: «В селе комсомольцев – восемь, партийцев – пять и еще есть кандидаты. Секретарь начинает собирать собрание: тот говорит – у меня голова болит, другой говорит – я только вот приехал с дровами, так отговорятся почти все и не пойдут на собрание. Секретарь бегаёт – бегаёт, махнет рукой и пойдет себе, куда ему нужно. А если через час после этого посмотреть на вечерки, то комсомольцы активно участвуют во всех играх и голова не болит и с дровами приехал, не устал и т. д.» [8].

Причину такого поведения членов ячейки Третьяков видит в том, что комсомольцы малограмотны, есть даже совсем неграмотные, секретарь неопытный и во всех отношениях халатный. Однако селькор считает, что николаевская ячейка могла бы повысить свой образовательный уровень, улучшить работу ячейки, если бы обратилась за помощью к учительству. Другой причиной слабой работы ячейки селькор считает слабый контроль рика, обвиняет рик в том, что тот «не изволит даже выслать работников, чтобы наладить работу», а местную ячейку в том, что «хочет возвысить себя, отдает хорошие отчеты о проделанной работе, но делает хуже для себя» [8].

Советская власть уделяла внимание ликвидации политической неграмотности, но этого было недостаточно. В повседневной жизни это выглядело следующим образом: из рика приезжал ликвидатор и в течение 3–4 часов проводил лекции, затем проводил проверочное испытание на знание политической грамоты и независимо от выявленных знаний уезжал в другую сельскую ячейку.

По письмам крестьян можно судить о том, что крестьяне только в общих чертах понимали сущность НЭПа, а о внутрипартийной борьбе вообще имели весьма смутное представление, но к центральной власти традиционно относились позитивно. Многие письма сибирских крестьян во власть написаны очень осторожно, дабы не оби-

деть центральную власть. Крестьян можно заподозрить в хитрости. Пытаясь высказать наиболее, но, боясь это сделать, они традиционно прикрывались своей темнотой, невежеством. Другой аспект такого осторожного и одновременно позитивного отношения к центральной власти лежит в традиционном для крестьянства представлении о ее мудрости, всемогуществе, справедливости. Например, крестьянин Федоров так заканчивает свое обращение к власти: *«Вот что меня волновало, то и написал, и извиняюсь, может быть, грубо или нескладно написал, но, сколько мог по-крестьянски написал, я нисколько не хочу задевать центра, а написал разные болячки между нами в деревне»* [9].

Несмотря на то, что внутрипартийную борьбу в 1920-е гг. невозможно было скрыть, суть ее была не достаточно ясна низовым партийным работникам даже в центре, а уж на местах и тем более.

Часто крестьяне писали письма во власть, предлагая вождям побеседовать лично с крестьянами. Например «ульяновцы» из Новониколаевской губернии считали: *«Что вам [вождям] ничего не стоит побеседовать с крестьянством»* [10].

Достаточно большое число писем посвящено критике действий местных властей, бюрократизму и произволу в советских учреждениях. В конце 1920-х гг. большинство руководителей уже назначались на свои посты сверху партийными и состояли из коммунистов-выдвиженцев. Назначенчество очень быстро утвердилось как принцип партийной политики. Вместе с назначениями выборы в органы власти теряли свое значение и превращались в формальный ритуал утверждения новых выдвиженцев по заранее подготовленному списку. Крестьяне негативно реагировали на подобные процессы. В их представлении власть нужно было заслужить хорошим поведением, хозяйственностью, рачительностью.

По мнению историка В.В. Бабашкина, консолидированная к концу 1920-х годов власть превра-

щает вопрос о дальнейшей политике в деревне из тактической проблемы внутрипартийной борьбы в вопрос жизни и смерти для себя [11].

Таким образом, процесс «оживления» Советов носил в Сибири двойственный характер. С одной стороны, «оживление» Советов объявлялось общегосударственной задачей. Об этом свидетельствуют многочисленные комиссии разных уровней по укреплению работы Советов, попытка организации обратной связи с крестьянством в форме критики неудовлетворительной работы Советов на местах и т. д. Вместе с тем на местах постоянно нарушалась процедура избирательной компании, незаконно лишали граждан избирательных прав, оказывалось давление на крестьян. Объективные причины, судя по откликам крестьян, также мешали эффективной работе Советов: удаленность избирательных участков, занятость крестьян, низкая грамотность сельского населения.

Главное же отторжение крестьян вызывала экономическая политика властей, приведшая во второй половине 1920-х гг. к увеличению налогового бремени на крепкие крестьянские хозяйства, что в корне меняло «генеральную линию» власти. В процедуре выборов в Советы это выразилось в новой инструкции по выборам 1926 г., ограничившей избирательные права зажиточных крестьян.

На протяжении 1926–1927 гг. наметилась четкая тенденция нарастания административного режима по всем направлениям государственной политики. Так, к концу 1927 г. сельским Советам были предоставлены права наложения административных взысканий за нарушения постановлений, изданных райисполкомами, а также право издания постановлений по поручению окружных исполкомов [12]. Вместе с тем ограничивалось участие рядовых, беспартийных крестьян в местных сельских Советах. Крестьянство в конце НЭПа в целом вернулось к традиционной формуле взаимоотношений с властью: «мы» и «они».

Библиографический список

1. Кукушкин Ю. С. Сельские советы и классовая борьба в деревне. М.: МГУ. 1968.
2. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.
3. История Сибири: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 4. 501 с.
4. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 439. Л. 2.
5. Суверов Е. В. Социально-экономическое развитие сибирской деревни (конец 1919–1929 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово: КемГУ. 2006. 38 с.
6. Сельская жизнь. 1927. 19 августа.
7. Молодая деревня. 1928. 8 декабря.
8. РГАЭ. Ф. 96. Оп. 3. Д. 664. Л. 101.
9. ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1185. Л. 103.
10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 406. Л. 14.
11. Бабашкин В. В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 105.
12. Бакшеев А. И. Проблемы властных отношений центра и региона на примере Сибири времен НЭПа // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 115–123.